

7.2000.
Шопен
Экран и сцена. - 2000. -
шмю (~ 24-25). - с. 11.

"Он знал одной лишь думы власть, одну, но
пламенную страсть..."
(Из Лермонтова)

Русский биограф Шопена

Памяти Ежи Кухарского — страстного человека

Андрей Залетов

Символическое стечение обстоятельств: в сороковой день кончины выдающегося русского исследователя жизни Шопена Георгия Степановича Кухарского — Ежи Кухарского — в Большом зале Московской Консерватории являлся людям Шопен в дивном, завораживающе строгом и страстном исполнении Элиса Вирсаладзе.

И на следующий день, уже в Малом зале Консерватории, звучал Шопен в исполнении Наума Штаркмана. И еще через несколько дней, снова в Большом зале Консерватории слушали, Шопена в исполнении Владимира Крайнева, и, чуть позднее, выдающегося молодого артиста Николая Луганского.

Словно сговорившись, большие русские пианисты, один за другим, играли в те дни Шопена. Будто сам Шопен пожелал проводить своею музыкой одного из самых близких друзей в историческом времени и возблагодарить покинувшего землю русского поляка за все труды его жизни, оказавшиеся с ним, Шопеном, так проникновенно связанными...

В январской Москве 2000 года, через 150 лет после смерти Фредерика Шопена тихо похоронили его русского биографа, переводчика, исследователя и издателя "Писем Шопена" — наиболее полного из всех существующих, всесторонне и глубоко комментированного издания этих незабываемых Писем.

Со временем (с 1964 г., когда в московском издательстве "Музыка" впервые появился подготовленный Ежи Кухарским том шопеновских "Писем") издание росло и менялось качественно, а не просто механически переиздавалось, вослед читательской потребности. Оно стало бестселлером для культурного человека в России и, одновременно, вкладом в искусствоведческую науку. Это был серьезный, крупный научный труд. По счастью, признанный всеми в культурном мире. Русский читатель, благодаря усилиям Георгия Степановича Кухарского, получил самый полный перевод "Писем Шопена" и самый научно подготовленный (материалы собирались Кухарским из французских, польских и, конечно же, русских источников).

Высокоавторитетный музыковед и культуролог, профессор Игорь Федорович Бэлза называл Ежи Кухарского (в почетном ряду с признанными музыковедами А.Соловцовым и Ю.Кремлевым) "выдающимся шопеноведом".

То была справедливая оценка этого исключительного по своему характеру и судьбе исследователя и литератора — русского интеллигента, всю свою жизнь преодолевавшего Действительность, но обретшего внутреннюю гармонию с Действительностью художественной, которая его приняла и в себя включила.

Жизнь Ежи Кухарского была своего рода "Позмой к Пламени" (используя скрябинский образ). Но и прошла его жизнь в отсветах трагического Пламени нашего всеобщего существования в едином реальном Времени... Он был удивительным человеком.

У него был дар общения с людьми художественного склада. Его любили. В его обществе художники разных искусств чувствовали себя уверенно, спокойно и просто. Они "подпитывались" в атмосфере его дома: разговоры, что велись у Кухарского (в скромных его обиталищах в разные периоды его жизни), были всегда высоки по тону, сложны по проблемам, блистали художественной простотой.

Он дружил, и с ним дружили. Он многих знал, и его многие знали. Он был хорошо знаком с Генрихом Густавовичем Нейгаузом и его ближайшим другом, выдающимся искусствоведом Александром Габричевским. Перевел с польского на русский замечательные письма Генриха Густавовича к родным (другую часть этих писем — с немецкого — перевел Александр Георгиевич Габричевский). Рядом с Кухарским был и выдающийся русский пианист Анатолий Ведерников, — друг и соученик Святослава Рихтера, один из самых уникальных артистов, воспитанных Генрихом Нейгаузом.

Через свою жену, архитектора Наталью Прозорову, — человека, разнообразно талантливого, природного, преданного ему всю их многотрудную жизнь (чтобы помогать слепнущему мужу выучила польский) — Ежи вошел в дом Анны Ивановны Трояновской, — изумительно яркого, к тому времени уже сильно пожелавшего человека, художницы и вокального педагога (у нее брала уроки Наташа Прозорова). Через Анну Ивановну познакомился Кухарский с истинно большим русским художником нашего века Робертом Рафаиловичем Фальком. И не просто познакомился, но стал знатоком и страстным приверженцем его искусства, много общался с художником и многих погрузил в творчество Фалька. Пойти с Кухарским в мастерскую Роберта Рафаиловича в мансарде "дома с павлинами" на набережной Москвы-реки (у ныне отстроенного храма Христа Спасителя) было событием. Его там принимали как своего человека, и те, кто приходил с ним, тоже были обласканы хозяином и хозяйкой.

У Анны Ивановны Трояновской познакомился Ежи Кухарский и со Святославом Рихтером. Рихтер любил заниматься в комнате Анны Ивановны (в коммунальной квартире в одном из старых московских домов в Скандинавском переулке), на сохранявшемся в этой комнате рояле выдающегося композитора Николая Метнера, друга Рахманинова. Искусство Святослава Рихтера стало одним из художественных идеалов Кухарского (он не раз писал о концертах Рихтера в московских газетах).

Была еще одна область его работы в искусстве — радиопередачи и телефильмы. Как автор сценария Кухарский сделал телевизионный документальный фильм в Творческом объединении "Экран" Центрального телевидения (вместе с талантливейшим, ныне покойным, музыкальным режиссером Святославом

Чекиным) о друге своем, пианисте Анатолии Ведерникове. В той же Студии Фильмов об искусстве объединения "Экран" (которую довелось создавать и целых 10 лет возглавлять автору этих строк) по сценарию Кухарского был снят имевший большой успех у зрителя биографический документальный фильм "Жизнь Шопена" (режиссер С.Чекин). И еще один фильм (режиссер Ю.Сааков) сделал Кухарский как сценарист на советском телевидении, — фильм, казалось бы, неожиданный для него: "Голубая книга" — своеобразное "чтение" одноименной прекрасной книги Михаила Зощенко. Однако, никакой внутренней неожиданности в этом не было. Прозу Михаила Зощенко Ежи Кухарский любил, чувствовал удивительно и сам прекрасно читал "Голубую книгу". Это было словно авторское чтение — искусство из первых рук.

Прекрасно знал Кухарский и современную польскую литературу. Переводил Леона Кручковского, Виктора Ворошильского, восторгался Ярославом Ивашкевичем.

Виктор Ворошильский занимал в его жизни особое место. Ежи перевел на русский язык ряд сочинений этого замечательного писателя, в том числе "Сны под снегом". В книге широко использована проза Салтыкова-Щедрина, и Кухарский перечел и исследовал едва ли не все написанное Салтыковым-Щедриным: надо было найти многочисленные цитаты из русского писателя, чтобы они звучали в оригинале, а не в переводе с польского.

Кухарский перевел также "Венгерский дневник" Ворошильского.

"Сны под снегом" были изданы в Англии на русском языке, по странности — без ссылки на переводчика. Как литература самиздата. Фрагменты "Венгерского дневника" изданы в России (альманах "1956. Осень в Будапеште") без ведома автора перевода. Такова ирония судьбы.

Ежи Кухарский жил благородно, достойно и скромно (не станем употреблять обидно звучащее применительно к такой значительной личности слово "бедно").

Все, что он узнавал, он стремился узнать основательно. И то, что становилось ему близким в литературе, в искусстве, он знал досконально (о, если бы можно было сказать "досконально чувствовал").

У Ежи Кухарского была редкостная способность придавать значение тем художественным явлениям, в которых он находил и объективную ценность, и нечто созвучное самому себе как читателю, зрителю или литератору,

художественно мыслящему и художественно существующему в трудной реальности, на которую он старался не роптать. Это составляло его отличие от многих других одаренных людей, с которыми доводилось мне встречаться. И это составляло сущность Ежи Кухарского как художественной личности и уникального — повторяю уже который раз — человека.

Думаю, что он сам был художественным созданием. И, интуитивно ощущая это, старался жить и вести себя сообразно этому внутреннему ощущению и совершенно оправданному представлению многих друзей своих о нем как о живом художественном произведении.

В этом собранном, внутренне напряженном, очень определенном, а нередко и резком в своих суждениях человеке жила любовь ко всему честному и талантливому в окружаю-

щей его реальности, в той среде, в которой он сам существовал, — среде истинно демократической интеллигенции того исторического и удивительного времени, когда художественные и нравственные идеалы тесно сплетались между собой, и чистое, художественное существование вне художественной действительности являлось если не подвигом, то поступком. И не просто определенным действием в какой-то миг. Поступком становилась целая жизнь в ее протяженности, в ее особой "небытовости", обретавшей черты вознесенности и тихой красоты.

Свое предисловие к четвертому, незавершенному изданию "Писем Шопена" Ежи Кухарский многозначно озаглавил "Рядом с Шопеном". Правоммерно! Но в чем-то, по скромности, неточно. Жизнь его протекала не просто "рядом с Шопеном", а будто "внутри Шопена", которого он ощущал как хорошо знакомого и все более — во времени — открывавшегося ему совершенно живого близкого человека.

Долгие свои последние годы Георгий Степанович Кухарский постепенно слеп и в конце жизни почти совсем не видел. Какая же внутренняя воля и какая великая любовь к Шопену вела его в этом пожизненном служении Своему композитору!..

Последнее — после церковного отпевания — прощание с нашим другом в Новоархангельском крематории близ Москвы я заключил словами: "До тех пор, пока будет звучать музыка Шопена в России, до тех пор будет звучать имя Ежи Кухарского в русской культурной памяти. Звучать по праву и с достоинством, как имя человека, жизнью своею олицетворившего нашу всеобщую любовь к Шопену — для России традиционную и вековую, от русской культуры неотъемлемую"...

Думаю, по справедливости имя Ежи Кухарского должно стоять и стоит в ряду имен крупнейших знатоков и исследователей жизни Шопена. Он был его Биографом и, в каком-то смысле — для России — его душеприказчиком. Он новаторски продолжил русскую традицию изучения жизни и творчества Шопена, избрав новый материал для своих исследований — письма великого композитора, великого поляка и духовного сына культурной России. Он сделал Письма Шопена достоянием широкой культурной публики. Он явил также образец духовного служения своему герою, родной для него польской и столь же родной для него русской культуре. И если когда-нибудь в Польше и в России действительно захотят по достоинству оценить тех людей в России, что от-

дали много жизненных сил, а то и просто жизнь, польской культуре и вдохновлению союза сердец польской и русской художественной гениальности, — имя Ежи Кухарского не должно быть забыто. Так же как имя русского композитора Милия Алексеевича Балакирева, инструментаровавшего, в знак любви к Шопену, его Первый фортепианный концерт, первым выдвинувшего идею установить памятник Шопену у его родного дома в Желязовой Воле и пожертвовавшего на этот памятник необходимые деньги, собранные своими концертами в честь Шопена. Так же как имя критика и ученого в области искусства и литературы Владимира Васильевича Стасова, характеризовавшего музыку Шопена как "истинное и полнейшее воплощение в наши дни бетховенского духа страстности, душевного страдания и лирического самоуглубления".

Как удивительно слова эти, характеризующие Шопена, могли бы характеризовать и уникальную личность Георгия Степановича Кухарского. В нем также жил бетховенский дух страстности. Жизнь его была полна душевных страданий, а его творчество исполнено подлинного лирического самоуглубления.

Сын поляков, эмигрировавших в советскую Россию, он провел свои детские годы с родителями в Праге и Париже, прекрасно владел французским — переводил (для себя) Камю и Сартра; прекрасно владел польским и, естественно, ставшим родным для него русским языком.

Московский школьник, потерявший отца и мать в сталинских лагерях, он, в силу многих исторических причин, сполна известных сегодня, не смог продолжить свое официальное образование до вузовского диплома. Но он наполнил новым смыслом и новым содержанием старинное и славное понятие "автодидакт".

Человек уникального внутреннего дара — дара музыкального, литературного, дара человеческого — Ежи Кухарский в своем труде "Письма Шопена" оставил нам образцы высокоталантливого перевода и столь же высокоталантливого комментирования и редактирования переводов — максимально приближенных к точному смыслу оригинала и при этом адекватно и поэтически верно обращенных в

русскую речь. Он оставил нам глубокие обстоятельные вступительные статьи к каждому из изданий шопеновских "Писем" на русском языке — к первому одностомному, вышедшему 35 лет назад, второму и третьему — двухтомным изданиям и, наконец, к четвертому (вышел лишь первый том, второй пролежал в издательстве "Музыка" около 10 лет и так и не был издан из-за отсутствия необходимых средств). Второй же том содержал немало новых исследований и материалов, и хочется все-таки верить, что он будет издан, что найдутся отзывчивые души, тем более, что нужна для издания не столь значительная сумма.

Если вдуматься, что же все-таки сделал Кухарский своим осмыслением "Писем Шопена", если попытаться осознать все подлинное значение его работы в этой области, то нельзя будет не признать: перед нами серьезный, глубокий, новаторский и высокоталантливый научный труд, притом, что Ежи Кухарский не был "посвящен" ни в кандидаты, ни в доктора искусствоведения. К высотам знания, к своему постижению Шопена он пришел своим душевным трудом и талантом. Своей любовью.

В именном указателе только что переизданного тома статей о музыке и документов жизни Генриха Густавовича Нейгауза имя Георгия Степановича Кухарского стоит как имя живого персонажа современной художественной жизни: есть дата рождения и нет даты смерти. — не знали, не интересовались и гонорара не платили. Но пусть он остается живым. Он прожил 73 года, оставаясь всегда на удивление свободным, независимым ни от людей, ни от денег, которых у него никогда не было. Шопен придавал ему великие силы. Вера (Ежи Кухарский был крещен отцом Александром Менем) наградила его чувством обретенного пути и покоя.

Жена и дочь Марина, ставшая учителем, внесли в его жизнь ощущение мира и счастья ("...Я счастливый человек!"), — не раз повторял он, будучи уже тяжело больным).

Он не искал выгод. Он служил истине, мучительно соприкасясь с нею в звуках жизни Шопена.

Перечтем Письма Шопена.
Вспомним Ежи Кухарского.